

линейно урок, преподанный историей. Изъ того, что мы не учились до сихъ поръ у Франціи, не слѣдуетъ, что намъ у нея нечему учиться. Изъ того, что мы въ ней часто ошибались, не слѣдуетъ, что мы должны въ ней ошибать-

ся впредь. А для будущаго русской литературы ужъ навѣрно будетъ не безразлично, въ какой мѣрѣ она восприметъ чужой опытъ и пойметъ чужой примѣръ.

В. Вейдле.

Нѣмецкое изданіе неопубликованныхъ рукописей Ф. М. Достоевскаго

1.

«Изданіе писемъ Достоевскаго въ наши дни, рассчитанное на распространеніе среди довольно широкаго круга читателей, можетъ вызвать цѣлый рядъ возраженій. Возраженія перваго рода могутъ относиться къ самой необходимости или даже возможности распространения Достоевскаго среди читателей Совѣтской страны, въ періодъ культурной революціи и ожесточенной борьбы съ мистицизмомъ, идеализмомъ, упадочничесгвомъ и т. д.»

Такими замѣчательными словами начинается марксистско - казенный паспортъ, которымъ Госиздатъ счелъ необходимымъ снабдить только что вышедшій первый томъ полнаго собранія сохранившихся писемъ Достоевскаго, являющагося событіемъ въ исторію русской литературы *). Авторъ этого курьезнаго произведенія,

*) Ф. М. Достоевскій. Письма Т. I. 1832 - 1867 Подъ редакціей и съ примѣчан А. С. Долинина. Гос. Изд. Москва - Ленинградъ. 1928. Стр. 590. Полная оцѣнка этого замѣчательнаго изданія, являющагося образцомъ библиографиче-

скій Г. Горбачевъ, оправдываетъ Достоевскаго тѣмъ, что онъ все же «умѣло и очень больно бьетъ по противорѣчіямъ капиталистическаго строя, империалистической «цивилизаци», официальной религіи, по гнилому русскому барству, по доктринамъ либерализма и утопическаго мелкобуржуазнаго социализма. Достоевскій оставилъ великолѣпные образцы антирелигіозной пропаганды». «Нелѣпо было бы навязывать Достоевскаго массамъ, говорить онъ далѣе, но знать его и

ской акрибіи, возможна будетъ только по выходѣ въ свѣтъ втораго тома. Здѣсь отмѣтимъ лишь, что въ этомъ изданіи не только дается заново проверенный по подлинникамъ текстъ уже опубликованныхъ въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ писемъ Достоевскаго, но впервые печатается около 150 доселѣ неизданныхъ писемъ. Чрезвычайно цѣнными являются примѣчанія редактора, которому удалось въ краткихъ, точныхъ, съ большимъ знаніемъ дѣла и литературнымъ тактомъ написанныхъ комментаріяхъ выразить итоги громадной и кропотливой работы.

полезно и необходимо очень широко слоям нашей бурной интеллигенции, занятой борьбой с классовым врагом на идеологическом фронте». «Преодолеть же без ущерба «Достоевщину» помогут классовое чувство и диалектика мысли и фактов».

Слова эти как нельзя ярче характеризуют ту обстановку совершенного мракобесия, которую так пророчески провидел сам Достоевский и в которой приходится работать современным исследователям великого русского писателя. И надо только удивляться, что обстановка эта все же не помешала им выполнить за годы революции громадную работу по собранью, приведению в порядок и подготовкѣ къ печати обширнаго рукописнаго фонда Достоевскаго. Въ настоящее время всѣ автографы, имѣющіе отношеніе къ художественнымъ произведениямъ Достоевскаго, хранятся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, въ Пушкинскомъ Домѣ и въ Централархивѣ (за семью замками). Пока однако вопросъ объ изданіи литературнаго наслѣдства «классоваго врага» уже нѣсколько лѣтъ какъ остается нерѣшеннымъ, совѣтская власть сдѣлала его предметомъ экспорта и продала право перваго изданія неопубликованныхъ рукописей Достоевскаго буржуазному издателю капиталистической страны. Этимъ и объясняется поразительный, единственный въ лѣтописяхъ мировой литературы фактъ: литературное наслѣдіе великаго писателя появляется впервые на иностранномъ языкѣ, и, пока не изменятся обстоятельства, любители и исследователи Достоевскаго

какъ въ Россіи такъ и за границей должны будутъ знакомиться съ нимъ по нѣмецкому переводу.

Мюнхенское издательство H. Piper, давно уже специализировавшееся на Достоевскомъ, выполнило взятую имъ на себя задачу со всей возможной для иностраннаго издательства добросовѣстностью. Три изданныхъ имъ пока тома матеріаловъ къ художественнымъ твореніямъ Достоевскаго даютъ выборку наиболѣе существеннаго изъ сохранившихся автографовъ и представляютъ собою незамѣнимое пособие при изученіи творчества Достоевскаго. Подготовленный къ печати русскими учеными, русскій текстъ переведенъ на нѣмецкій языкъ г-жей Вѣрой Митрофановой-Лемеличъ подъ редакціей извѣстнаго вѣнскаго литератора Рене Фюлопъ-Миллера и Фридриха Экштейна. Первый томъ (*Der unbekannte Dostojewski*, 1926. Стр. 536) содержитъ въ себѣ: сводную статью Р. Фюлопъ-Миллера о рукописномъ фондѣ Достоевскаго; отрывокъ изъ записной книжки «О Христѣ», написанный Достоевскимъ у гроба его первой жены въ апрѣлѣ 1864 г.; планы и замѣтки къ ненапечатанному роману «Житіе великаго грѣшника» съ относящимися сюда статьями Н. Бродскаго и В. Комаровича; варианты и ненапечатанные отрывки къ «Бѣсамъ» съ пояснительной статьёй Н. Бродскаго; 1. наз. «петербургскій вариантъ» «Исповѣди Ставрогина» съ пояснительными статьями А. Долинна и В. Комаровича; матеріалы къ «Подростку» съ комментаріями В. Комаровича. Второй томъ (*Raskolnikoffs Tagebuch, mit unbekanntem Entwurf, Fragmenten*

und Briefen zu «Raskolnikoff» und «Idiot». 1928, стр. 208) содержит въ себѣ: «Дневникъ Раскольникова» и пояснительную статью къ матеріаламъ къ «Преступленію и Наказанію» И. И. Гливенки; статью П. Сакулина о вариантахъ и матеріалахъ къ «Идиоту». Наконецъ, самый объемистый третій томъ посвященъ всецѣло «Бр. Карамазовымъ» (F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch. Mit einer einleitenden Studie von Professor Dr. Sigm. Freud. 1928. Стр. 619) и содержитъ кромѣ собранія отрывковъ къ роману обширное (235 стр.) изслѣдованіе В. Комаровича о «Бр. Карамазовыхъ». Наконецъ, къ каждому роману приложены выборки относящихся къ нему мѣстъ изъ переписки Достоевскаго и соответствующія примѣчанія Анны Григорьевны Достоевской. Удачно подобранные портреты, рисунки и факсимиле превосходно дополняютъ это и внѣшне прекрасно выполненное изданіе.

Правда, многое, напечатанное въ этихъ трехъ нѣмецкихъ томахъ, было уже опубликовано раньше по русски въ разнообразныхъ изданіяхъ послѣднихъ лѣтъ *).

*) Въ особенности въ извѣстныхъ сборникахъ А. Долинина и Л. Гроссмана и въ «Красномъ Архивѣ». Совершенно впервые опубликованы въ нѣмецкомъ изданіи повидимому только слѣдующія вещи: записки «О Христѣ» — изъ 1-го тома; статья П. Сакулина объ «Идиотѣ» — изъ 2-го тома и все

Многое, съ другой стороны, остается въ этихъ томахъ еще неопубликованнымъ **). И все же заслуга издательства Пипера, не остановившагося передъ большими жертвами для осуществленія своего изданія, чрезвычайно велика. Даже русскій изслѣдователь Достоевскаго не можетъ не быть ему благодаренъ. И это несмотря на то, что изданіе рукописей Достоевскаго на нѣмецкомъ языкѣ по неволѣ наталкивается на трудности совершенно непреодолимыя*). Въ самомъ дѣлѣ, рукописи Достоевскаго къ его художественнымъ твореніямъ представляютъ собою какъ бы три довольно рѣзко различающихся между собою пласта. Первый пластъ представляютъ собою первоначальныя замѣтки къ романамъ: кромѣ подробнаго плана дѣйствія и характеристикъ отдѣльных дѣйствующихъ лицъ сюда относятся отдѣльныя замѣчанія, мысли, выраженія, выписывавшіяся Достоевскимъ для памяти (отмѣчаемая часто словами: «memento», «не забыть», «NB») и включенныя имъ впоследствии въ текстъ произведенія. Большой частью это недоконченныя отрывки фразъ, отдѣльныя слова,

содержаніе тома, посвященнаго «Бр. Карамазовымъ».

**) Даже наиболѣе обширный томъ «Бр. Карамазовы» содержитъ не все варианты къ роману. Хранящіяся въ Москвѣ рукописи къ «Бр. Карамазовымъ» повидимому до сихъ поръ еще не изслѣдованы.

**) Въ предѣлахъ возможнаго переводчица и редакторы въ общемъ удачно справились съ своей задачей.

тоже часто написанныя сокращенно, иногда даже знаки мнемонического характера. Даже при глубокомъ знаніи Достоевскаго и при совершенномъ знаніи русскаго и нѣмецкаго языковъ, этотъ текстъ съ трудомъ только поддается переводу, и переводъ его въ особенной степени есть уже толкованіе, обстоятельство, не могущее не умалить до чрезвычайности значеніе опубликованнаго текста, въ особенности въ глазахъ читателя, не просто читающаго, но изучающаго Достоевскаго. Второй пластъ представляетъ собою первый связный текстъ романа, который Достоевскій набрасывалъ въ поздніе ночные часы и по которому онъ на слѣдующій день диктовалъ женѣ или самъ писалъ уже первую окончательную редакцію своего произведенія. И этотъ текстъ, изобилующій сокращеніями и помарками, тоже, конечно, необычайно труденъ для перевода. Третій пластъ представляетъ собою, наконецъ, окончательный текстъ романа, написанный большею частью рукою жены Достоевскаго и вплотную уже приближающійся къ напечатанному тексту. Совершенно справедливо издатели взяли въ свое изданіе изъ этого пласта только наиболѣе существенные варианты и отдѣльныя мѣста, почему либо совершенно выброшенныя изъ напечатаннаго текста.

Конечно, и нѣмецкое изданіе вводитъ читателя въ лабораторію художественной работы Достоевскаго. Оно показываетъ читателю, какъ неустанно работалъ надъ композиціей цѣлаго и каждой отдѣльной главы, какъ шлифовалъ каждую фразу этотъ писатель,

всегда писавшій «изъ подъ палки» (какъ говорить онъ самъ въ письмѣ къ Любимову по окончаніи своего наиболѣе отдѣланнаго творенія — «Братьевъ Карамазовыхъ»), всегда опаздывавшій къ срокамъ, печатавшій начало романа, когда конецъ его и даже продолженіе оставались еще неясными самому автору. Легенда о томъ, что Достоевскій посылалъ въ печать свои романы «неотдѣланными», совершенно опровергается изданіемъ его рукописей. Самъ неоднократно безжалостно вычеркивавшій и даже уничтожавшій написанное (напр., весь первый вариантъ первой части «Идиота» за полтора мѣсяца до срока), Достоевскій имѣлъ полное право сказать въ своемъ письмѣ одной начинающей писательницѣ*): «величайшее умѣніе писателя, это — умѣть вычеркивать. Кто умѣетъ и кто въ силахъ свое вычеркивать, тотъ далеко пойдетъ. Всѣ великіе писатели писали чрезвычайно сжато. А главное — не повторять уже сказаннаго или и безъ того всѣмъ понятнаго». И если про Достоевскаго все же трудно сказать, что онъ писалъ сжато, то это въ силу одной особенности его какъ писателя, необычайно ярко выступающей при чтеніи его рукописей. Особенность эта — чрезвычайное обиліе образовъ и идей, съ которыми онъ не только приступалъ къ писанію романа, но которые непрерывно зарождались у него во время писанія («какъ капли пѣны въ водоворотѣ»). «Новые образы и идеи, сюжеты новыхъ романовъ

*) А. В. Корвинъ - Круковской, см. Письма, № 212.

непрерывно возникали въ немъ, буквально осаждая его и даже мѣшая ему въ его работѣ». Ч. Страховъ, которому принадлежит эта характеристика, утверждаетъ, что Достоевскій написалъ едва десятую часть романовъ, имъ задуманныхъ и годами выношенныхъ *) Неудивительно поэтому, что то, изъ чего всякій другой писатель сдѣлалъ бы нѣсколько романовъ, Достоевскій сжималъ въ одной сложной композиціи (ср. хотя бы соединеніе первоначально какъ отдѣльныя вещи задуманныхъ «Пьяненькихъ» и «повѣсти о студентѣ» въ одинъ романъ «Преступленіе и Наказаніе»). Эта борьба Достоевскаго съ обступившими его образами и идеями съ особенной наглядностью выступаетъ при чтеніи его рукописей къ «Бр. Карамазовымъ». И хотя, предчувствуя, быть можетъ, что это его послѣдній романъ, Достоевскій старался выразить въ немъ во всей полногѣ свое міровоззрѣніе**), рукописи его полны драго-

*) Срв. статью Н. Бродскаго — «Планы ненаписанныхъ романовъ и повѣстей Достоевскаго въ *Der unbekannte Dostojewski*», стр. 31 сл.

**) Въ отличіе отъ Л. Гроссмана («Путь Достоевскаго», Л. 1924, стр. 235), утверждающаго, что Достоевскій «все же не отлитъ въ окончательную формулу своего философскаго исповѣданія», — мы думаемъ, что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Достоевскому удалось выразить свое міровоззрѣніе въ исключительно законченной и полной формѣ. Срв. статью нашу о «Бр. Карамазовыхъ» въ № 36 «Совр. Зап.».

цѣнныхъ осколковъ образовъ и идей, оставшихся послѣ шлифовки неиспользованными. Просматривая эти рукописи, понимаешь, что Достоевскій съ полнымъ правомъ могъ назвать свою работу надъ «Бр. Карамазовыми» «каторжной». «Вы не повѣрите мнѣ, писалъ онъ И. Аксакову по окончаніи романа (28. VIII. 1880): сколько главъ, къ которымъ я въ теченіе трехъ лѣтъ дѣлалъ замѣтки, я долженъ былъ, уже написавши ихъ, выбросить, чтобы затѣмъ совсѣмъ заново написать ихъ. Только нѣсколько мѣствъ, непосредственно продиктованныхъ вдохновеніемъ, удались мнѣ съ перваго раза; все остальное было плодомъ тяжкаго труда» *).

2.

Здѣсь нѣтъ никакой возможности исчерпать то богатство мыслей и образовъ, которыми мыслъ оставшимися послѣ шлифовки осколками, полны рукописи Достоевскаго. Мы позволимъ себѣ только здѣсь, въ дополненіе къ нашему толкованію «Братьевъ Карамазовыхъ» (№ 36 «Совр. Записокъ»), прослѣдить, въ какой мѣрѣ основныя мысли этого послѣдняго произведенія Достоевскаго «осаждали» его уже ранѣе — во время работы его надъ предшествовавшими ему романами.

Въ отрывкахъ къ «Преступленію и Наказанію» **) особенно вы-

*) Die Urgestalt d. Br. Karasoff. Стр 604 сл.

**) Въ нѣмецкомъ изданіи они, къ сожалѣнію, не напечатаны самостоятельно, а включены въ статью И. Гливенко. Статья эта

двигаются двѣ такихъ мысли-осколка. Хотя онѣ вполне явственно просвѣчиваютъ и въ окончательномъ текстѣ романа, все же Достоевскому онѣ представлялись, повидному, недостаточно въ немъ выраженными, а съ другой стороны, по значенію своему заслуживающими специальной трактовки. Основная черта личности Раскольникова, записываетъ Достоевскій, слѣдующія: «въ его образѣ показывается идея безмѣрной гордости, надменности и презрѣнія къ существующему обществу. Идея его въ томъ, чтобы это общество подчинить своей

интересна въ первую очередь вкрапленными въ нее цитатами. Сама по себѣ она страдаетъ чрезмѣрной элементарностью мысли и даже прямымъ непониманіемъ проблематики Достоевскаго. По мнѣнію И. Гливенко, образъ Раскольникова все время двойится между альтруизмомъ (убійство ради власти дѣлать въ послѣдствіи добро людямъ) и эгоизмомъ (презрѣніе къ людямъ и гордость). Раскольниковъ то «великодушенъ и добръ», то «холоденъ и безчувствененъ до безчеловѣчности». «Ясно, говоритъ Гливенко, что было трудно соединить эти противоположные элементы въ одинъ законченный образъ» (91). Но въ этомъ именно и заключается идея Достоевскаго: Раскольниковъ не есть образъ, который двойится, а есть воплощеніе реальной, хотя и внутренне противорѣчивой, идеи — идеи отвлеченной, разсудочной любви къ челоуѣчеству (къ дальнему), внутренне существо которой есть гордость и презрѣніе къ ближнему.

власти». «Чтобы дѣлать ему добро», какъ гласятъ зачеркнутыя въ этомъ мѣстѣ слова. И далѣе: «деспотизмъ есть характерная его черта. Она (т. е. гордость) приводитъ его къ нему (т. е. къ деспотизму)»*). Мысль эта, осложняемая цѣлымъ рядомъ другихъ отгѣнковъ («я не хочу добра, я не за добро, я за власть», ib. 87; «если хочешь дѣлать добро, то необходима раньше власть», 89; «я не хочу ждать, я требую сейчасъ же моего челоуѣческаго права», 90; «развѣ я не любилъ, когда рѣшился взять на себя такое страшное дѣло?», 91), неизмѣнно повторяется въ замѣткахъ. Черезъ четыре года Достоевскій подробно развиваетъ ее въ «Бѣсахъ», а въ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ» она получаетъ свое окончательное выраженіе.

Вторую мысль Достоевскій высказываетъ въ наброскахъ разговора Раскольникова съ Соней «Это неправда, говоритъ Соня, въ благополучіи, въ богатствѣ вы можете быть никогда бы не замѣтили челоуѣческаго горя. Кого Богъ очень любитъ, отъ кого онъ много ожидаетъ, тому посылаетъ онъ много несчастья, чтобы онъ на себѣ самомъ возможно болѣе испыталъ и узналъ; ибо кто въ несчастіи, тотъ видитъ также больше горя у людей, чѣмъ тотъ, кто счастливъ... Но изъ страданія часто вырастаетъ болѣе вы-

*) Срв. стр. 85 нѣм. текста. Въ переводѣ здѣсь ошибка, проистекающая отъ того, что гордость по русски женскаго, а по нѣмецки мужскаго рода. Отсюда и отмѣчаемая редакторомъ «непонятность текста».

ское счастье». И мысль эту Достоевский выписывает отдѣльно, озаглавливая ее «Идея романа»: «Правильное міровоззрѣніе, на которомъ покоится все православіе: нѣтъ счастья въ благополучіи, страданіемъ цѣлуется счастье. Человѣкъ рожденъ не для счастья. Человѣкъ заслуживаетъ себѣ свое счастье всегда только страданіемъ. Въ этомъ нѣтъ никакой несправедливости, ибо живого знанія и сознанія, ощущаемаго непосредственно тѣломъ и душою, всѣмъ жизненнымъ процессомъ, можно достигнуть только черезъ Pro и Contra, которые нужно взять на себя». И эта мысль опять таки нашла свое законченное выраженіе въ послѣднемъ произведеніи Достоевскаго, пятая книга котораго не случайно и названа даже имъ «Pro и Contra».

Въ наброскахъ къ «Идиоту», исторію творчества котораго прервосходно возсоздаетъ въ своей статьѣ П. Сакулинъ, мы тоже находимъ рядъ мыслей, оставшихся неиспользованными въ самомъ романѣ и развитыхъ Достоевскимъ болѣе полно только въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Согласно первоначальному замыслу романа Идиотъ долженъ былъ представлять собою не положительный, а дьявольскій образъ озлобленнаго, лишеннаго вѣры и жизни существа (вплоченнаго въ послѣдствіи въ Смердяковъ). «Главная мысль романа, записываетъ Достоевскій, заключается въ томъ, что всѣ эти характеры, и прежде всего самъ Идиотъ, будучи охвачены уныніемъ, презираютъ самихъ себя и притомъ все же исполнены чрезмѣрной гордости». Въ противоположность это-

му другой герой, «сынъ дяди», положительный образъ первоначальнаго замысла, «проповѣдуетъ, что жизнь содержитъ много радости, каждая минута есть счастье». Это та самая мысль, которая получила такое яркое выраженіе въ образѣ Зосимы, прямо высказывающаго ее въ своей бесѣдѣ съ Хохлаковой: «ибо для счастья созданы люди, и кто вполне счастливъ, тотъ прямо удостоенъ сказать себѣ: «Я выполнилъ завѣтъ Божій на сей землѣ». Всѣ праведные, всѣ святые, всѣ святые мученики были всѣ счастливы». Но уныніе преодолевается и счастье дается не разумомъ, а любовью. «Въ мірѣ есть только одно: непосредственное сочувствіе. Справедливость только во вторую очередь», — записываетъ Достоевскій мысль, въ послѣдствіи развитую имъ подробно опять-таки въ «Братьяхъ Карамазовыхъ».

Особенный интересъ однако для выясненія вопроса о возможныхъ вліяніяхъ на Достоевскаго въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» представляютъ отрывки къ «Житію великаго грѣшника» и къ «Бѣсамъ». Они показываютъ, что основныя мысли послѣдняго творенія Достоевскаго являются давнишними и завѣтными его мыслями, возникшими у него самостоятельно, независимо отъ его позднѣйшихъ философскихъ знанкомствъ (Вл. Соловьева и Н. Федорова). Такъ идея трехъ искушеній въ пустынѣ, составляющая центръ «легенды о великомъ инквизиторѣ» и развитой здѣсь философіи свободы, приводится Достоевскимъ въ слѣдующемъ характерномъ отрывкѣ, озаглавленномъ «Мысли князя»: «Новая

мысль. Это не англосаксонское право, не демократія и не формула равенства французовъ (романскаго міра). Это естественное братство. Царь во главѣ слугъ и свободныхъ (апостоль Павелъ). Никогда русскій народъ не подымется противъ Царя... Россія не республика, не якобинство, не коммунизмъ (этого никогда не поймутъ иностранцы и наши русскіе иностранцы). Россія — не что иное какъ тѣлесное воплощеніе души православія, въ которомъ живутъ крестьяне, царство Откровенія, тысячелѣтнее Царство. Римская блудница (ибо ея Христосъ принялъ отвергнутое въ пустынѣ земное царство)... Мы приносимъ первый рай тысячелѣтняго царства, и отъ насъ пойдутъ новые Еохи и Ильи во все страны» *).

Чрезвычайно характеренъ также отрывокъ, озаглавленный Достоевскимъ «Принципы Нечаева» и леишій въ основу программы Шигалева въ окончательномъ текстѣ «Бѣсовъ»: «...Въ крайнемъ случаѣ шпіонство и убійство — самое лучшее, ибо съ точки зрѣнія высшей цѣли все позволено.

*) Въ окончательномъ текстѣ романа (ч. II, гл. I, 7) эти «мысли князя» говоритъ Шатовъ «какъ мысли Ставрогина». Упоминаніе о «третьемъ дьяволовѣ искушеніи» сохранено въ окончательномъ текстѣ, по утопія «свободной теокраціи» изъ него исключена. Отсюда видно, что утопія эта заимствована имъ у Вл. Соловьева. — Въ нѣмъ текстѣ приведенной цитаты (Der unbekannte D., 240) явная ошибка перевода (надо «in der Wüste», а не «in die Wüste»).

Въ особенности же необходимо усилительно добиваться совершеннаго равенства. Для этого нужно прежде всего понизить уровень образованія, науки и талантовъ... Поэтому такіе выдающіеся таланты не нужны. Скажутъ, этотъ высокій уровень открытъ для каждого. Это такъ. Но большинство — средняго уровня и по способностямъ своей природы никогда не можетъ достигнуть того, чего достигаютъ высоко одаренные *). Связь между «шигалевщиной» и Великимъ Инквизиторомъ выстраивается въ наброскахъ къ «Бѣсамъ» вообще съ особенной ясностью. «Выходя изъ безграничной свободы, я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ», говоритъ Шигалевъ. «Желаніе и страданіе для насъ, а для рабовъ — шигалевщина». Что при писаніи «Братьевъ Карамазовыхъ» Достоевскій развивалъ именно эти свои старыя мысли, видно изъ того, что въ соответствующихъ мѣстахъ своихъ набросковъ Достоевскій неоднократно записываетъ: «1/10» (напр., Die Urgestalt d. V. Kar., стр. 306, 314), имѣя очевидно въ виду ту 1/10, которая въ системѣ Шигалева «получаетъ свободу личности и безграничное право

*) Насколько пророчески предвѣдѣлъ Достоевскій будущее, видно хотя бы изъ слѣдующей цитаты современнаго совѣтскаго педагога: «Отборъ исключительно даровитыхъ и талантливыхъ людей неприемлемъ... Надо ставить ставку на рабочаго и крестьянина нормальнаго развитія, такъ сказать середняка по подготовкѣ» (Срв. «Русск. Шк. за рубежомъ», № 31, стр. 22)

надъ остальными девятью десятинами» («сто тысячъ избранныхъ страдальцевъ» въ «Легендѣ о Велик. Инквизиторѣ»). Замѣчательно, что по первоначальному плану (срв. письмо къ Любимову отъ 11. VI. 1879) Иванъ Карамазовъ—соціалистъ, и что, исполненный презрѣнія къ людямъ, онъ отрицаетъ Христа потому, что Христосъ «указалъ человѣку горздо болѣе высокое положеніе, чѣмъ то, которое ему на дѣлѣ принадлежить». Но въ отличіе отъ «тенденціознаго» романа, какъ называлъ самъ Достоевскій своихъ «Бѣсовъ», въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» онъ старался преодолѣть всякую «тенденцію». Отсюда то углубленіе и та вѣковѣчная मौментальность, которая приобрѣтаютъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» образы и мысли Достоевскаго, освобожденные отъ непосредственной связи своей съ политической злободневностью. Какъ образъ Ивана Карамазова означаетъ такую «силу отрицанію, которая не снислась даже» современнѣмъ его эпигонамъ *), то и такъ же и въ положительныхъ образахъ Зосимы и Алеши Достоевскій преодолѣлъ историческую ограниченность своего собственнаго политическаго воззрѣнія.

И второй возможный путь вы-

*) Срв. замѣчательныя слова Достоевскаго въ его записной книжкѣ подъ заголовкомъ «Бр. Карамазовы» (Die Urgestalt, 522 ст.): «Мерзавцы тычуть мнѣ мою якобы невѣжественную и ретроградную вѣру въ Бога. Этимъ чурбанамъ даже не снілось такое отрицаніе Бога, какъ я его выразилъ въ своемъ «Вел. Инквизито-

рожденія «своеволія», страшнаго дара только **человѣческой** свободы, воплощенный въ «Бѣсахъ» въ личности Кириллова, намѣчается въ наброскахъ Достоевскаго въ образѣ, впоследствии включенномъ въ «Легенду о Великомъ Инквизиторѣ». Въ замѣткахъ къ «Жизнію великаго грѣшника» (листъ 19; Der unbek. D. стр. 75) мы читаемъ: «Безумная гордость. Изъ гордости онъ становится аскетомъ и странникомъ».

Что неясно еще намѣченный въ «Исповѣди Славрогина» образъ Тихона есть предшественникъ образа Зосимы, — это врядъ ли требуетъ сейчасъ особыхъ доказательствъ. И въ первоначальныхъ замѣткахъ къ «Исповѣди» Тихонъ высказываетъ основныя и любимыя мысли старца Зосимы: «На землѣ должно быть счастливымъ». «Сознаніе ниспосланной любви должно быть ужаснѣе всего, и въ этомъ именно состоитъ адъ». «Князь: Я не вѣрю въ Бога, а вы вѣруете! Какъ можете вы сказать, что Богъ проститъ. — Тихонъ: О, я самъ этого не понимаю. Безконеченъ грѣхъ, но и Богъ также безконеченъ въ своемъ разумѣ». «Только совершенная любовь совпадаетъ съ совершенной вѣрой. Только равнодушіе вообще не вѣритъ; самый со-

рѣ и въ предыдущей главѣ, на которое даетъ отвѣтъ **вся книга**. Если я вѣрю въ Бога, то дѣлаю это не какъ дуракъ (фанатикъ). Они хотятъ меня научить и смѣются надъ моей ограниченностью! Этимъ глупымъ тварямъ даже не снілась та сила отрицанія, которую я продѣлалъ. И они хотягъ меня учить уму-разуму!»

вершенный атеизмъ, быть можетъ, стоитъ ближе всего къ вѣрѣ» (стр. 288 - 9 въ «Der unbekannte D.»).

Отмѣтимъ еще въ заключение нѣсколько мыслей Достоевскаго, выраженныхъ въ болѣе отвлеченной философской формѣ. Еще въ 1864 г. (въ замѣткахъ «О Христѣ») Достоевскій записываетъ: «Ученіе матеріалистовъ: всеобщая косность и механизмъ матеріи — она означаетъ смерть. Ученіе истинной философіи: упраздненіе косности, мысль эта центръ и синтезъ вселенной и ея внѣшней формы, матеріи, слѣдовательно, Богъ, слѣдовательно безконечная жизнь» (ib. 27). Какъ бы продолжая эту мысль, «Князь» въ замѣткахъ къ «Бѣсамъ» говоритъ: «Умереть невозможно. Есть бытіе; небытія же вообще нѣтъ» (ib. 217 сл.). «Человѣкъ, предоставленный только самому себѣ, исключительно своими собственными силами, идетъ къ гибели, почему необходимо вѣрить, что онъ пребывалъ въ непосредственномъ отношеніи къ Богу» (ib. 218). Отсюда невозможность научной нравственности. Наука, разсудокъ — суть чисто человѣчскія начала. «Разсудокъ свойственъ одному только человѣческому организму». «Если человѣкъ преобразится, то какимъ образомъ будетъ онъ жить тогда разсудкомъ? Обладаніе разсудкомъ соответствуетъ только теперешнему организму». «Наука... также не въ состояніи передать сущности другого высшаго организма или другой высшей формы существованія, слѣдовательно также и состоянія человѣка при воскресеніи мертвыхъ, разъ тогда, быть

можетъ, не будетъ также уже болѣе никакого разсудка». Такимъ образомъ и эта мысль о разсудкѣ какъ специфически человѣческомъ началѣ, которую Вл. Соловьевъ, какъ извѣстно, положилъ въ основу своей философской системы, какъ она изложена имъ въ его «Критикѣ отвлеченныхъ началъ», была совершенно самостоятельно и до знакомства съ Соловьевымъ продумана Достоевскимъ. Явно высказанная имъ въ наброскахъ разговора Шатова съ Княземъ (Ставрогинымъ) (ib. 220-221), она представляетъ собою скрытое предположеніе всей концепціи «Бр. Карамазовыхъ».

Анализъ рукописей Достоевскаго является лишнимъ доказательствомъ того, что въ этомъ своемъ послѣднемъ твореніи Достоевскій собралъ въ одно законченное и монументальное цѣлое всѣ тѣ мысли, которыя онъ въ отдѣльности развивалъ въ своихъ предшествующихъ произведеніяхъ, такъ же какъ и тѣ, которыя въ нихъ остались почему либо неиспользованными. Тѣмъ болѣе интересъ представляетъ собою анализъ набросковъ къ самимъ «Братьямъ Карамазовымъ». Каковы тѣ мысли и образы, которые «осаждали» Достоевскаго во время ихъ созданія и такъ и остались осколками, не попавшими въ этотъ столь тщательно отшлифованный имъ шедевръ?

3.

Просматривая внимательно наброски къ «Бр. Карамазовымъ» (въ особенности «первый пластъ» рукописнаго матеріала, занимающій большую часть опубликован-

наго Р. Фюлопъ-Миллеромъ тѣма), убѣждаешься, что въ своемъ послѣднемъ твореніи Достоевскому удалось выразить съ почти что исчерпывающей полнотой то множество образовъ и мыслей, которые ему предносились во время трехлѣтней работы надъ нимъ. Недаромъ онъ самъ въ своихъ письмахъ неоднократно говоритъ, что къ этому своему произведенію, которое онъ писалъ медленно, чѣмъ всѣ предыдущіе свои романы, онъ и «относился строже, чѣмъ ко всѣмъ предыдущимъ», что онъ «вложилъ въ него очень много отъ своего собственнаго я», что въ этомъ трудѣ своемъ, который онъ старался сдѣлать максимально хорошо, «во всякомъ случаѣ настолько хорошо, насколько я вообще могу», онъ пытался «подвести итогъ всему тому, что въ теченіе трехъ лѣтъ намѣтилъ, собралъ, записалъ» (срв., напр., письма къ Любимову отъ 8. VII. 1879 и Аксакову отъ 28. VIII. 1880).

Совершенно неиспользованными остались въ романѣ только очень немного намѣченныхъ въ замѣткахъ къ нему образовъ и мыслей. Такъ, въ замѣткахъ неоднократно встрѣчается навѣянная, очевидно, знакомствомъ съ Н. Федоровымъ мысль о воскресеніи предковъ, о значеніи семьи, какъ «практическаго начала любви», о расширеніи ея до всеобщаго организма (срв. . *Urgestalt* d. *Vg.* К. стр. 246, 249, 295, 310 и др.). Судя по замѣткамъ, разговоръ въ кельѣ старца долженъ былъ быть даже по первоначальному замыслу посвященъ этой именно темѣ метафизическаго и нравственнаго значенія семьи, и

только уже во время написанія романа Достоевскій замѣнилъ эту новую для него тему своей завѣтной проблемой «свободной теократіи» (преображенія общества и государства въ церковь) въ отличіе отъ римскаго рѣшенія вопроса (обращенія церкви въ государство). Не въ оппозицію ли къ Н. Федорову также, который, какъ извѣстно, понималъ воскресеніе мертвыхъ слишкомъ психофизиологически, Достоевскій неоднократно возвращается къ мысли о преобращеніи тѣла, о свѣтѣ Фаворскомъ: «Свѣтъ съ горы Фаворской, который отличаетъ человѣка отъ пищи, отъ крови, отъ растенія». «Ваше тѣло преобразится. Свѣтъ съ горы Фаворской (жизнь есть рай, ключи у насъ)» — таковы мысли старца Зосимы въ наброскахъ (стр. 298, 299). Вѣроятно въ связи также съ общимъ стремленіемъ писателя преодолѣть въ «Карамазовыхъ» «всякую тенденцію, Достоевскій выпустилъ изъ окончательнаго текста слова Ракитина Алешѣ, характеризующія его опредѣленно какъ атеистическаго социалиста: «Люди становятся все гуманнѣе. Просвѣщеніе, гуманнѣе, гуманнѣе. Религія слишкомъ дорогая штука. Почитай хотя бы Бокля. Мы же ее упразднимъ. -- Народъ не позволитъ этого. -- Не позволитъ, такъ мы сократимъ народъ, упразднимъ и его, приведемъ къ молчанію. Ибо европейское просвѣщеніе стоитъ выше народа... (онъ помолчалъ нѣкоторое время). — Нѣтъ, ясно, что крѣпостное право не исчезло, проормотать Алена. — Ну васъ всѣхъ къ черту съ вашимъ народомъ!» (ib. стр. 335). — Нѣсколько разъ упоминаетъ наконецъ До-

стоевскій объ архимандритѣ, завѣщавшемъ, въ наказаніе за свое пьянство, бросить свое тѣло по смерти собакамъ; о дѣвушкѣ, которую красота ея заставила утопиться; о «мальчикѣ и утопленникѣ» Эти образы, очевидно, о існѣ «осаждашіе» писателя, такъ ч остались неиспользованными осколками, и очень трудно сейчасъ оцѣнить значеніе, которое придавалъ имъ самъ авторъ.

Значительно большій свѣтъ проливаютъ на замыселъ писателя замѣтки о мысляхъ и образахъ, которые получили свое выраженіе въ окончательномъ текстѣ романа, но въ ослабленной по сравненію съ первоначальными набросками формѣ. Сюда въ первую очередь относятся замѣтки къ книгѣ «Русскій Инокъ», которую Достоевскій неоднократно называетъ в письмахъ «кульминаціоннымъ пунктомъ» романа (ib., стр. 517, 570). Они представляютъ тѣмъ большій интересъ, что, по словамъ Достоевскаго (ib. 570), старецъ Зосима высказываетъ его собственныя завѣтныя мысли. Что многія изъ мыслей этихъ самъ Достоевскій считалъ слишкомъ смѣлыми и, съ точки зрѣнія официальной церковности, вольнодумными, это видно изъ письма его къ К. Побѣдоносцеву (24. VIII. 1879, стр. 574 сл.), въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ: «нѣкоторыя ученія старца будутъ отвергнуты какъ абсурдныя, ибо слишкомъ уже восторженныя. Въ обыденномъ смыслѣ снѣ несомнѣнно абсурдны, но въ иномъ, внутреннемъ, онѣ, думается мнѣ все же правильны». Такъ въ окончательномъ текстѣ Достоевскій значительно смягчилъ слѣдую-

щую, очень характерную для него мысль: «если ты атеистъ и испытываешь сомнѣнія, то любя дѣятельной любовью, ты вернешься къ Богу и узришь Его (ib. стр. 294). «Будь атеистомъ, но дѣлами милосердія ты достигнешь познанія Бога (ib. стр. 298). «Философъ: мнѣ тяжело, страдай, любя дѣятельно, и ты обрѣтешь Бога» (300). Открывающіеся любви «міры иные» недоступны разсудку. «Поэтому и говорятъ (философы), что мы не въ состояніи понять на землѣ существа вещей» (ib. 309).

Точно также значительно рѣзче, чѣмъ въ окончательномъ текстѣ, формулируетъ въ первоначальномъ наброскѣ Достоевскій свое отрицаніе чудесъ какъ пути къ вѣрѣ. Въ окончательномъ текстѣ мысль эта высказана явно только въ Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ и символически въ образѣ Алеши, котораго разочарованіе въ неисполнимости чудѣ причело къ искушенію Въ наброскахъ она встрѣчается во множествѣ вариантовъ: «...Свобода отъ чуда! Ты не сошелъ съ креста, но ты — Богъ, ты потребовалъ отъ людей слишкомъ многого, люди нуждаются въ чудѣ, т. е. въ авторитетѣ. Чудо и тайна». «Тебѣ было дано знамя, предложено нѣчто абсолютное, противъ чего возстать не могъ бы никогда помыслить ни отдѣльный человекъ, ни цѣлый міръ, вмѣстѣ взятый. Ты однако все отвергъ во имя свободы» (289, 290). Эту мысль высказываетъ не только отвергающій ее Великій Инквизиторъ, но и старецъ. Въ наброскѣ, озаглавленномъ «Исповѣдь старца» и содержащемъ всѣ основныя мысли Зосимы - Достоевскаго, мысль эта формулирова-

на нѣ слѣдующихъ словахъ: «Дѣти, не ищите чудесъ, чудомъ увлѣвасте вы вѣру» (ib. 299). Единственное чудо, служащее неизсякаемымъ источникомъ вѣры, это чудо Боговоплощенія, чудо явленія Христа. Въ «Бр. Карамазовыхъ» Достоевскій отчасти выволинилъ свой замыселъ, который онъ самъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: «Я хотѣлъ написать книгу объ Иисусѣ Христѣ, въ которой я намѣревался показать, что Онъ есть чудо исторіи, и что явленіе такого идеала, какъ Онъ, среди человѣчества есть еще большее чудо. Я кромѣ того хотѣлъ доказать, что какъ дерево своими соками, такъ человѣчество жило и еще много столѣтій будетъ жить нравственнымъ образомъ Христа» (Der unbekannte I. стр. 47).

Очень смягчилъ также Достоевскій въ окончательномъ текстѣ мысль, которую онъ еще во время написанія «Бѣсовъ» вложилъ въ уста епископу Тихону, мысль о томъ, что Божеская любовь, въ безконечности своей, превозмощаетъ самое различіе добра и зла и въ извѣстномъ смыслѣ пребываетъ по ту сторону этой противоположности. «Люби грѣхи», говоритъ въ запискахъ старецъ Зосима. «Люби людей въ ихъ грѣхахъ, люби также ихъ грѣхи». «И не бойтесь грѣховъ людей. Любите въ грѣхѣ, ибо это есть уже божеская любовь» (296, 298 сл. 315). «Въ аду скажутъ праведники грѣшникамъ: «Придите сюда, какъ всегда, приходите сюда, мы любимъ васъ. — Простите насъ, что мы вамъ простили. Вѣчный огонь -- заключается въ томъ, что мы грѣшны и все же прощены,

они же насъ любятъ... Но и этотъ огонь погаснетъ, ибо — радости ошутятъ они, ибо они будутъ прощены, за исключеніемъ гордыхъ» (297 сл.) *). Это отрицаніе вѣчныхъ адскихъ мукъ не только соотвѣтствуетъ пониманію Достоевскимъ Царства Божія, какъ вѣчной жизни, и зла, какъ начала смерти и небытія**), но и нахо-

*) Срв также на стр. 311: «Но если всѣ простятъ сдѣланное имъ, то неужели нѣтъ тогда у нихъ достаточно власти простить все также и отъ имени другихъ? Каждый несетъ вину за всѣхъ и за все, каждый поэтому имѣетъ власть простить все во имя всѣхъ, и тогда всѣ они исполняютъ дѣло Христа, и Самъ Онъ явится среди нихъ и они узрятъ Его и сольются съ Нимъ въ Одно. Также и Первосвященнику Каиафѣ будетъ прощено, ибо онъ любилъ свой народъ, по своему, но все же любилъ, также и Пилату будетъ прощено, духовно высокому, размышлявшему объ истинѣ, ибо онъ не зналъ, что дѣлалъ».

**) Срв. нашу статью «Трагедія добра въ «Бр. Карамазовыхъ» (Совр. Зап., кн. 36). Развитие въ этой статьѣ пониманіе этики Достоевскаго вполне подтверждается разборомъ рукописей къ роману. Именно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ критики нашего пониманія усматривали неправомѣрное одностороннее заостреніе мыслей Достоевскаго (возможность для атеиста обрѣсти Бога дѣятельною любовью, отрицаніе чудесъ какъ источника вѣры, продолженіе Божественною любовью противоположности добра и зла), наброски къ роману даютъ намъ

дится въ полномъ согласіи съ преданіемъ русскаго народнаго православія («Хожденіе Богородицы по мукамъ»). И въ полномъ согласіи съ чисто духовнымъ опредѣленіемъ ада, какъ «стремленія къ тому, чтобы снова любить

то, что мы презрѣли и не любили на землѣ», Достоевскій записываетъ: «Что есть жизнь? Наилучшее опредѣленіе себя есть, я есмь, я существую, чтобы быть подобнымъ Богу (ib. 304).

С. І. Гессенъ.

Петръ Безручъ

Имя чешскаго поэта Петра Безруча, автора «Силезскихъ пѣсенъ», русскому читателю мало извѣстно. Нѣсколько переводовъ К. Бальмонта, мало значущія замѣтки въ связи съ его юбилеемъ въ прошломъ году — вотъ, кажется, все, что появлялось о немъ въ русской печати. Изъ болѣе крупныхъ вещей мнѣ извѣстны только переводъ статьи Яна Гербена «О Петрѣ Безручѣ» въ «Волѣ Россіи» (1927 г. № 11 - 12). Между тѣмъ иностранная печать удѣляетъ Петру Безручу съ каждымъ годомъ все болѣе вниманія. Невниманіе къ поэзии Петра Безруча со стороны русской литературы особенно стран-

но еще и потому, что по своему характеру, какъ мы увидимъ, она близка во многомъ духу русской поэзии. Мы постараемся въ настоящей статьѣ дать русскому читателю предл. авленіе о своеобразной тициности и поэзии Безруча.

Появленіе первыхъ стиховъ Петра Безруча въ 1899 г. сразу обратило на себя вниманіе. Янъ Гербенъ снабдилъ уже эти первые стихи такимъ предисловіемъ отъ редакціи «Часа»: «Мы печатаемъ стихи пока еще неизвѣстнаго поэта. Конечно не потому, что они проникнуты національнымъ чувствомъ, но потому, что они сильны, серьезны и новы, почему мы и ждемъ многого отъ его таланта». Это заявленіе Яна Гербена дѣлаетъ честь его литературному чутью: въ первый же годъ своего сотрудничества въ «Часѣ» Петръ Безручъ напечаталъ почти всѣ свои лучшіе стихи. Когда въ 1903 г. появился въ приложеніяхъ къ «Часу» такъ называемый «Силезскій номеръ» со стихами Безруча, то три тысячи изданныхъ экземпляровъ быстро разошлись. Успѣхъ небольшой книжечки былъ необычайно великъ.

Никто не зналъ, кто скрывается подъ страннымъ псевдонимомъ «Безручъ». Всѣ предположенія и

рядъ вариантовъ, подтверждающихъ наши формулировки. Празда, Достоевскій исключилъ ихъ изъ окончательнаго текста. Но есть всѣ основанія предполагать, что онъ сдѣлалъ это не потому, чтобы считалъ ихъ объективно невѣрными, а потому, что не хотѣлъ усиливать ими и безъ того «слишкомъ уже абсурднаго и восторженнаго» характера (съ точки зрѣнія обыденнаго сознанія) учений старца Зосимы (срв. цит. выше мѣсто изъ письма къ К. Побѣдоносцеву).